

Книга 1

ГОНИМЫЕ

Небо звездное, бывало,
Поворачивалось —
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложились,
Все добычей поживлялись,
Мать широкая земля
Содрогалась —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
*«Сокровенное сказание»,
монгольская хроника 1240 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Крытый возок, запряженный двумя волами, медленно двинулся по степи. За возком шагала подседланная лошадь.

Над выжженной зноем степью висело горячее солнце. Разморенные жарой, волы шли, понуро опустив головы, над их мокрыми спинами кружилась мошка, под колесами сухо шелестели стебли ковыля — дэрисуна.

Оэлун сидела в задке повозки. По ее лицу, детски округлому, катились капли пота и падали на подол шелкового халата — ее свадебного наряда. Глаза Оэлун были широко открыты, но она не видела ни серых метелок дэрисуна, ни одинокого облачка над степью, не чувствовала зноя, — она была далеко отсюда, где остались мать и братья, ее детские игры и забавы.

На ее проводы собрались многие соплеменники — олхонуты. Пели песни, шутили, состязались в остроловии, всем было весело, ей тоже: она всегда любила праздники, а это был ее праздник — в ее честь, в честь ее жениха слагали песни и пышные юролы-благопожелания. Ее сородичи славилась веселым нравом, песнями и красавицами девушками. За много дней пути, порой даже с берегов неведомого Байкала, порой от Великой стены — предела царства китайского Алтан-хана, — приезжали к ним за невестами...

Первый день пути прошел незаметно. Она вспоминала прощальный пир, про себя напевала сложенные в ее честь песни, украдкой посматривала на своего жениха. Он был ей по душе, ее Чиледу. Высокий, крепкий, лицо открытое, приветливое; такой, она знала, зря не обидит и в обиду не даст.

Этот день был для Оэлун как бы продолжением праздника. Но вечером, когда они остановились на ночлег и Чиледу велел ей приготовить ужин, она как-то сразу, в одно мгновение, осознала крутую перемену в своей жизни, поняла, что покинула родной нутуг — кочевье — не на день, не на два, навсегда. Ей стало так то скливо, что, забыв про ужин, она села на землю, закрыла лицо руками и горько заплакала. Чиледу удивленно заморгал глазами, наклонился над нею, провел ладонью по голове, ничего не сказал. Она не дала воли слезам, вытерла глаза полрой халата, стала разводить огонь. Но тоска из сердца не уходила. Кончилась ее беззабот-

ная жизнь. Теперь она должна готовить пищу, шить одежду, седлать мужу коня, править повозкой во время перекочевков...

Чиледу не досаждал ей разговорами, его широкое лицо все время было спокойно-ласковым, в узких бесхитростных глазах светилась участливая улыбка. И она была благодарна ему за эту улыбку, за молчание.

И сейчас, сидя в задке повозки спиной к Чиледу, она ощущала на затылке его взгляд. Все время казалось, что жених желает что-то сказать, но разговаривать совсем не хотелось, и она сидела не оборачиваясь.

— Оэлун, — позвал он.

Она слегка повернула голову.

— Хочешь кумыса, Оэлун?

Только теперь она почувствовала, что от зноя во рту пересохло. Молча кивнула. Чиледу налил в деревянную чашку кумыса из бурдюка, уложенного в повозку ее матерью. Кумыс был теплый и кислый, от него засвербило в носу.

— Скоро будет Онон, — сказал Чиледу, завязывая бурдюк. — У воды покормим волов и лошадь, отдохнем до вечера. Дальше поедем ночью. И прохладнее, и безопаснее.

В этот день Чиледу все время держал на коленях лук с боевой стрелой, рядом, под рукой, лежал обнаженный меч с рукояткой из рога изюбра.

— А какая тут... опасность? — без интереса, чтобы хоть что-то сказать, спросила она.

— Тут коцует худое племя. Мы, меркиты, все время в ссоре с этим племенем. Недавно воевали. Они убили нашего повелителя Тудур-билге, тяжело ранили его сына Тохто-беки.

Чиледу говорил, тревожно вглядываясь в степь. Но кругом не было ни души, только изредка перекликались в чахлой траве суслики.

Вскоре местность стала заметно ниже, а земля не такой сухой и твердой. Впереди, расплываясь в горячем дрожащем воздухе, показалась темная гряда тальниковых зарослей. Волы, почуяв воду, пошли быстрее, конь Чиледу поднял голову, запрядал ушами.

На широкой луговине, в тени кустарника, Чиледу распряг волов, стреножил лошадь. Оэлун села на берегу. На реке вспыхивали слепящие блики, волны тихо всхлипывали у затравеневшего берега. Чиледу присел рядом, притронулся рукой к ее плечу.

— Не печалься, Оэлун. У нас все будет хорошо, вот увидишь. Род мой не богат и не знатен, но я умею работать и метко стрелять. На Селенге много зверей. Я буду стараться, Оэлун, чтобы тебе жилось не хуже, чем в юрте самого знатного нойона.

Оэлун слушала молча, смотрела в воду Онона. По дну текли, не взмучивая чистой воды, и уносились вниз струйки песка. Неторопливая, раздумчивая речь Чиледу успокаивала. Оэлун попробовала представить свою жизнь там, на берегах Селенги, в кочевьях меркитов, но из этого ничего не получилось, она видела перед собой одно и то же: юрты у светлого озера, окаймленного высокими зарослями камыша, скуднотравные степи с белыми пятнами солончаков — гуджиров — родной нутуг олхонутов.

— Селенга такая же, как Онон? — спросила она.

— Много больше. Редкий багатур в силах перекинуть стрелу из лука с одного берега на другой.

Чиледу наломал сухих тальниковых палок, высек кресалом огонь, но тут же и угасил, опасливо оглядываясь.

— Ты боишься? — спросила Оэлун.

— Дым далеко виден, — уклончиво ответил Чиледу, нахмурился.

Она чувствовала, что ему не хочется выглядеть в ее глазах трусом, сказала:

— Обойдемся без огня.

Чиледу упрямо дернул головой:

— Нет, мы разведем огонь.

Он снова ударил кресалом по кремню.

Над огнем Чиледу растопырил походную треногу тагана, повесил на нее котелок с водой. Все это проделал ловко, быстро, без опасливых оглядок. И Оэлун подумала, что вечное синее небо послало ей хорошего жениха.

Чиледу сбросил с себя халат, сидел на траве голый по пояс, пестрая тень испятнала его смуглую кожу; блаженно улыбаясь, следил за каждым движением Оэлун.

Лошадь, щипавшая траву, неожиданно подняла голову, призывно заржала. Из-за кустов тальника донеслось ответное ржание. Чиледу вскочил, метнулся к повозке, схватил лук и меч, вернулся к огню, подняв Оэлун, толкнул в возок и задернул полог.

Страх у Оэлун не было. Она чуть отодвинула полог, выглянула наружу. На луговину выехал одинокий всадник на белоногой рыжей лошади. На нем был халат из грубой шерстяной ткани, но оружие — кривая сабля, колчан со стрелами — украшено серебром, а седло и уздечка — медными резными пластинками. Оэлун удивило, что обнаженная голова всадника была под цвет масти его лошади — рыжей. Небольшие косички, заложенные за уши, поблескивали так, будто были отлиты из меди. Она еще никогда не видела людей с рыжими волосами. И глаза у него не такие, как у всех людей, — не карие или черные, а серо-зеленые. Может быть, это и не человек? Тогда кто же? Дух добра или зла?

Не спуская настороженного взгляда с Чиледу, всадник напряженным голосом поздоровался. Чиледу ответил невнятно, его руки сжимали лук, готовые в любое мгновение натянуть тетиву.

Всадник, окинув взглядом поляну и, видимо, убедившись, что здесь больше никого нет, успокоился, насмешливо спросил:

— Чего ошетинился? Откуда такой взялся?

— Издалека, — буркнул Чиледу, опустил лук, присел к огню.

— Меркит? — спросил всадник.

— Да.

— Это сразу видно. Всякий другой пригласил бы гостя отведать пищи, освежиться кумысом — так велит обычай степняков. Древние обычаи не для вас, заносчивые меркиты?

— А разве древний обычай велит тебе, гость, приставать с расспросами? — угрюмо проговорил Чиледу. — Садись, я налью тебе кумысу.

Всадник засмеялся.

— С этого бы и начинал. Но я не буду пить твоего кумыса, меркит. Что ты делаешь здесь, так далеко от своего нутуга? Кто тебя послал сюда? Зачем? — Всадник наклонился, резко отдернул полог и заглянул в возок. — Ого!

Оэлун совсем рядом увидела его удивленные глаза, отодвинулась.

— Как тебя зовут, прекрасная девушка?

— Оэлун^{1*}, — недружелюбно отозвалась она.

— Какое же ты облако! — В широкой улыбке блеснули его белые ровные зубы. — Ты не облако, ты грозовая тучка! А меня, красавица, зовут Есугей. — Он повернулся к Чиледу: — Если это твоя сестра, меркит, видит небо, я готов стать вашим зятем. — Удадо подбоченился.

— Она моя невеста.

— Невеста?! — Улыбка медленно стекла с его лица, оно стало жестким. — Неве-е-ста... Что ж, вези ее домой. — Еще раз глянул на Оэлун. — Если твой жених когда-нибудь подымет против нас оружие, ты останешься вдовой — знай это. И ты, жених, запомни мои слова!

Он рванул повод, ускакал, ни разу не оглянувшись.

Чиледу смотрел ему вслед, торопливо вытирал потный лоб.

Кое-как перекусив, запрягли быков. Пока собирались, Чиледу все время оглядывался, прислушивался, бормотал: «Будь ты проклят, красноголовый шакал!» Он немного успокоился, когда гряда тальников и жарко блестящая излучина Онона остались позади.

---

* Здесь и далее см. Примечания на с. 913.

— Ты знаешь этого человека? — спросила Оэлу.

— Я знаю его племя. Во всей степи не найдешь таких задир и забияк, как эти тайчиуты.

— Почему у него волосы и глаза не черные? У них все такие?

— Не все. Есть у них один род рыжеголовых. Они считают рыжие волосы и серые глаза знаком своего божественного происхождения. Ты слышала, как он разговаривал со мной? Это не потому только, что тайчиуты побили наше племя. Всех на свете людей эти рыжеголовые считают ниже себя. Как же, они созданы самим небом!

Чиледу сорвал злость на быках — того и другого хлестнул плетью, и на их потных спинах легли темные полосы.

— Это как — созданы небом?

Взглянув на нее, Чиледу смягчился.

— От стариков слышал я, что много-много лет назад у владельца Баргуджин-Токума была дочь-красавица Баргуджин-гоа. Ее взял в жены Хорилтай-мэрген из племени хори-туматов. У них родилась дочь Алан-гоа. Хорилтай вместе с женой и дочерью прикочевал в эти места. Алан-гоа вышла замуж за Добун-мэргена. Добун вскоре умер, оставив молодую жену с двумя сыновьями. Тут-то и начинаются чудеса. Мужа нет, а Алан-гоа рождает одного, второго, третьего сына. «Как же так?» — спрашивают у нее. Алан-гоа рассказывает, что каждый вечер, как только стемнеет и на небе зажгутся звезды, в ее юрту через дымовое отверстие проникает луч света и превращается в светловолосого молодого человека. От него и дети. Наши старики говорят и другое. Не через дымовое отверстие, а через полог юрты, не луч света, а безродный работник Маалих проникал по ночам к Алан-гоа.

Чиледу замолчал, зорко вглядываясь в серо-желтую равнину бескрайней степи.

Глава 2

Оставив Чиледу с невестой, Есугей направился к синеющим вдали холмам. Там он собирался поохотиться на степных птиц. Но предстоящая охота — любимое занятие Есугея — мало занимала его. В мыслях он все время возвращался к внезапной встрече. И дурак же этот меркит! Расположился, как в своем родном нутуге. Надо было отобрать у него и лошадь, и быков, и невесту, а самого заставить пасти стада. Это было бы справедливо. Враг всегда остается врагом. Почему же отпустил его целым и невредимым? Может быть, как раз потому, что этот меркит такой простак и растяпа? Нет, пожалуй, нет. Такие вот харачу никогда не вызывали его жалости и

сочувствия. Ни ума, ни отваги. Будь на месте этого меркита он, Есугей, разве позволил бы кому бы то ни было заглядывать в повозку? А какая невеста досталась этому простаку! В память так и врезалось ее лицо: в сумраке повозки сверкают сердитые глаза, а на густых бровях, как роса в траве, блестят капельки пота. Скорей всего из-за нее и не тронул меркита. Но правильно ли сделал? Что, интересно, сказал бы обо всем этом старый Амбахай-хан, его мудрый наставник? Вот уж чего заранее никак не угадаешь. В недавнем сражении с меркитами Есугей пробился к Тохто-беки, молодому сыну вождя врагов. Действуя копьем, а потом и саблей, он нанес Тохто несколько ран. Тот, обливаясь кровью, побежал. Есугей начал настигать его, но лошадь попала ногой в нору суслика, упала. От досады и ярости Есугей чуть не зарубил скакуна. После сражения он старался не попадаться на глаза хану. Но Амбахай сам позвал и сказал:

— Я вижу, ты очень расстроен, но причин для расстройства нет. Тохто-беки должен занять место своего отца. А битый вождь враждебного племени лучше небитого: лишний раз не захочет с нами драться.

Амбахай-хан, друг и преемник знаменитого Хабул-хана, деда Есугея, на многое смотрит совсем иначе, чем другие нойоны племени. После битвы с меркитами нойоны потребовали, чтобы Амбахай-хан, не медля и дня, двинулся на извечных врагов — племя татар. Есугей тогда думал так же, как все. Меркиты ослаблены поражением и гибелью вождя, пока они оправляются, можно всей силой обрушиться на татар.

Амбахай-хан слушал, никого не перебивал, пощипывал реденький седой ус; у него была привычка всегда пощипывать один и тот же ус, потому другой ус был много длиннее, от этого морщинистое лицо хана казалось перекошенным. Когда все выговорились, он вздохнул.

— Побеждает врага сильный, извлекает выгоду из победы мудрый. Мудро ли идти сейчас войной на татар? Они знают о поражении меркитов. И рассуждают примерно как вы, и готовятся к встрече с нами. Каков будет исход войны, одному небу известно. Но даже если мы победим — что даст нам победа? Алтан-хана тревожит наше усиление. Он пойдет войной на нас. Нам одним не устоять. Значит, нужно думать не о войне, а о мире с татарами. Я поеду к ним сам, без воинов, и попробую угасить огонь старой вражды.

— Они убьют тебя! — сказал Есугей.

— Может быть, и убьют, — грустно улыбаясь, отозвался Амбахай-хан. — Но у нас вряд ли еще будет такой случай установать мир.

С несколькими нукерами Амбахай-хан уехал к озеру Буирнур, месту кочевья татар. Ему давно пора бы возвратиться, но нет ни его, ни вестей о нем.

Лошадь Есугея шла шагом, на ходу пощипывая траву. Солнце перевалило за полдень, но жара не спала, степь была пустынной. Есугей забыл совсем, что он едет на охоту. Мысли цеплялись одна за другую, как звенья цепи, но о чем бы он ни думал, воспоминание о девушке-облаке неясным беспокойством жило в нем. Чем дальше уезжал от тальниковых зарослей на берегу Онона, тем отчетливее становилось это беспокойство. Он уже понимал, что завидует харачу-меркиту.

Есугею давно пора было обзавестись женой. У всех его братьев, даже у младшего, есть жены, а вот ему не повезло. Отец высватал для него невесту в одном из племен, кочующих близ Великой Китайской стены. Но когда пришло время везти невесту домой, на племя напали татары, многих людей поубивали, многих, в том числе его невесту, увели с собой. Потом умер его отец, храбрый Бартан-багатур, потом начались войны, и его юрта до сих пор остается пустой. Оттого он все время пропадает на охоте. Если бы очаг его юрты разжигала такая же красавица, как невеста этого меркита...

Еще ничего не решив, он поднял поводья, круто развернул лошадь и во весь опор помчался домой.

Юрты его племени вольно раскинулись на плоской возвышенности у Онона. Табуны лошадей, пережидая жару, стояли в реке, на берегу лежали овцы. В жидкой тени от молодых березок спали пастухи, возле них сидел облезший пес, тяжело дышал, высунув розовый язык.

Есугей спешил к юрте своего брата Некун-тайджи. Стремительно откинув полог, он переступил порог. В юрте было сумрачно и прохладно. У очага, подвернув под себя ноги, сидели братья — Некун-тайджи и Даритай-отчигин. Должно быть, в выражении его лица было что-то такое, что встревожило братьев, оба молча уставились на него в ожидании. Есугей, смирив нетерпение, присел рядом с братьями, выпил чашку кумыса. Обычай не велит уважающему себя человеку уподобляться суетливой сороке. С медлительной почтительностью обратился к хозяину юрты, старшему по возрасту брату:

— Все ли благополучно у тебя?

— Вечное небо покровительствует мне, — так же неторопливо, степенно ответил Некун-тайджи, но вдруг его лицо, толстощековое, румяное, расплылось в счастливой улыбке. — У меня, Есугей, родился сын. Я назову его Хучаром. Хорошее имя, а?

Некун-тайджи весь сиял от радости. А Даритай-отчигин, не только самый младший, но и самый маленький из братьев, коро-

тышка с тонкими, не мужскими руками, жмурил глаза: казалось, он смеется от радости, но Есугей слишком хорошо знал Отчигина — притворяется. Малый рост, слабосильность испортили его характер. Никогда от души не радуется за братьев, только так вот жмурит свои хитрые глаза.

— Хотите со мной поохотиться? — спросил Есугей.

— Сейчас, что ли? — Неkun-тайджи глянул через дымоход на выбеленное солнцем небо. — Жарко.

— На кого охота? — Даритай-отчигин всматривался в лицо Есугея, пытаясь понять, чего недоговаривает брат.

— На дикую козу.

— Одни поедем? — допытывался Отчигин, все еще не понимая, что на уме у Есугея.

— Поедем втроем, больше никого не нужно. Но условие — коза мне.

— А нам? — не отставал Отчигин.

— Вам по волю.

— А-а, — протянул Отчигин, кажется, уяснив, на какую охоту зовет брат. — Не опасно? Может быть, поговорим со старшим братом, с Мунгету-Кияном?

— Вола всего два, — засмеялся Есугей. Поднялся. — Быстро собирайтесь. Если вы не поедете, я отправлюсь один.

Глава 3

Солнце село. Воздух стал прохладнее, но от прогретой земли несло сухим теплом. Запах трав, терпкий, дурманящий днем, стал слабее. Усталые быки еле тащили повозку. Копыта глухо стучали по окаменевшей земле. Оэлун нестерпимо хотелось пить. Как о божественной благодати думалось о глотке холодной родниковой воды. Уже несколько раз спрашивала, скоро ли дойдут до источника. Чиледу каждый раз отвечал, что скоро, но впереди стлалась все такая же ровная степь. Оэлун до боли в глазах всматривалась в ту сторону, где небо, охваченное зарей, смыкалось со степью, надеялась увидеть кусты тальника, метелки камыша или высокую осоку — спутников озер и речушек. Заря догорала, серые сумерки сливались с серой степью. Острые глаза Оэлун заметили впереди что-то темное. Наверное, куст тальника.

— Чиледу, посмотри.

Чиледу остановил быков. Перестала шелестеть трава под колесами, наступила тишина, наполненная звоном мошки, и в этой тишине рассыпался дробный стук копыт. Кто-то мчал-

ся им наперерез. Такой же стук копыт Оэлун уловила сзади и сбоку.

— Что это?! — Она испуганно прижалась к Чиледу.

Он резко отстранил ее, выскочил из повозки. Звонко теньнула тетива, и стрела со свистом унеслась в сумерки.

— Эй, меркит, перестань!

Оэлун узнала предупреждающий голос. Это вернулся рыжий Есугей. Страх сразу пропал, ей почему-то показалось, что Есугей не сделает им ничего плохого. Но он тут же рассеял надежды.

— Слушай, меркит, внимательно! Сражаться с нами бесполезно — нас больше. Убежать невозможно — наши скакуны свежи и быстры. Если ты еще раз натянешь лук, твое тело завтра сожрут корсаки.

Сумерки сгустились настолько, что Оэлун еле различала темные фигуры трех всадников, маячивших с трех сторон.

— Мы еще посмотрим, кого первым сожрут корсаки! — с яростью закричал Чиледу.

Есугей засмеялся.

— У тебя, меркит, в голове как в опрокинутом котле — пусто. Смотри...

Почти у самых ног Чиледу вонзилась в землю стрела, выбив кончиком красную искру. Древко стрелы долго дрожало, издавая звук, похожий на гудение шмеля.

— Ну? — смеялся Есугей. — Не успеешь глазом моргнуть, как три таких стрелы пробьют твое горло. Теперь слушай дальше. Нам не нужна твоя никчемная жизнь. Садись на коня и убирайся. Девушка вместе с повозкой пусть остается.

Оэлун поняла, что все будет так, как сказал рыжеголовый. Они не уйдут, не отступят. Они убьют Чиледу. Все это было до того невероятным, что казалось дурным сном. Быки, устало вздыхая, хрумкали черствую траву, лошадь Чиледу терлась мордой о повозку. Оэлун хотелось закричать так, чтобы крик ее пронесся над степью, поднял на ноги всех честных воинов и пастухов. Но она не закричала, вылезла из повозки, обняла жениха.

— Уезжай. Уезжай, мой добрый Чиледу!

— Куда уедешь? — мрачно спросил он. — Лучше умереть со стрелой в груди, чем в затылке.

— Ты должен жить, — глухо сказала она. — Я не дам убить тебя.

Лихорадочная отрешенность овладела ею. Она поспешно отвязала лошадь от повозки, подала повод Чиледу, выдернула из ножен, висевших у него на поясе, нож и пошла в степь, к Есугею. Она все делала с необдуманной поспешностью; но так, словно все ее движения были заранее выверены и взвешены.

— Эй ты, рыжий шакал! Чиледу уедет. Он не боится умереть, но я не хочу его смерти. Слышишь, рыжеголовый грабитель? Если ты убьешь Чиледу, я на твоих глазах перережу себе горло!.. Прощай! — Она оглянулась. — Прощай, Чиледу!

Есугей подждал ее, опираясь на длинное копьё. На его голове тускло поблескивал железный шлем.

— Я думал, ты всего лишь красавица. А у тебя, оказывается, сердце храброго воина.

Она не видела его лица, скрытого сумерками, но по голосу чувствовала, что Есугей усмехается, и этот насмешливый голос был ненавистен ей. Она остановилась в двух шагах от него, прислушиваясь к звукам за своей спиной. Скорей бы Чиледу уехал. Еще немного — и она не выдержит непосильного напряжения.

Оэлун не заметила, как Есугей поднял копьё. Внезапно ударив древком по руке, он вышиб нож. Его сильные, с твердыми ладонями руки стиснули ее, зажали рот. Все это он сделал так стремительно и внезапно, что Оэлун даже не сопротивлялась.

Подняв ее в седло, он что-то крикнул и погнал лошадь в степь. Тут только Оэлун опомнилась. Она билась в его руках, царапалась, кусалась. Есугей, ругаясь, положил ее поперек седла, стянул ремнем руки за спиной. Голова Оэлун свесилась к потному брюху лошади, волосы волочились по траве. Беспомощная, теряя сознание, она, как о высшей милости, молила небо и духов-покровителей о смерти.

Очнувшись в постели. Вход в юрту открыт, в него вливается поток яркого света и свежего утреннего воздуха; за порогом мягая трава, на ней висят розовые, малиновые, голубые огоньки росы. Слышны голоса людей, жалобное меканье козленка и скрип повозки. Видно, бежать ей некуда, иначе у юрты была бы стража. А может быть, стража есть...

Оэлун села, обвела взглядом юрту. У стены напротив входа стоит узенький столик, на нем кожаные куклы — онгоны — с засаленными головами — следами жертвенных угощений, второй стол у очага, на нем чаши и большой глиняный сосуд, в очаге под черным, задымленным котлом куча угля и пепла; еще один столик, совсем маленький, с черной блестящей крышкой и резными ножками, стоит у ее постели на снежно-белом, расшитом строчками войлоке; ее постель в восточной половине юрты; напротив, за очагом, еще одна постель, но она пуста; ближе к выходу на стене висят одежда, латы из толстой воловьей кожи, старый, побитый и потертый колчан. Все вещи обычные, знакомые ей с детства, только черный столик, такой блестящий, что в крышку можно смотреться, как в зеркало, она видит впервые. Где она

находится? Что с ней будет? Вспомнила своего Чиледу и беззвучно заплакала. Его, наверное, уже нет в живых. Она обещала спасти его и не спасла. Ей тоже надо умереть.

Бесшумно вошла молодая служанка в заношенном халате, молча поклонилась, поставила на маленький столик деревянное блюдо с сушеными пенками, налила в чашу молока. Оэлун, всхлипывая, знаком показала, что ей ничего не нужно.

— Фуджин² должна много есть и мало плакать, — на ломаном языке сказала служанка, грустно вздохнув, присела возле Оэлуна. — Слезы испортят твоё лицо.

— Мне теперь все равно.

— Э-э, не надо так, не надо! — затрясла головой служанка. — Фуджин молодая, красивая — хорошо жить надо.

Она ласково прикоснулась к волосам Оэлуна, принялась вытирать из них сухие колочки, нацеплявшиеся во время ночной скачки.

— Ты откуда? Как тебя зовут? — Оэлун перестала плакать, крохотная надежда затеплилась в душе: может быть, эта женщина сумеет помочь ей.

— Я из Китая. Имя мое на вашем языке Хоахчин, на нашем — Хуа Чэн. Недавно я так же, как ты сейчас, убивалась-плакала. Теперь не плачу. Привыкла. Да мне-то что, я простой человек, харачу, по-вашему. Дома была прислугой, тут то же самое. Тут даже лучше. Дома хозяин был собака злая. Бамбуковой палкой по спине бил. Ой-ой, как больно! — Хоахчин повела плечами, плаксиво сморщилась, но тут же засмеялась.

— Как ты сюда попала?

— У моего хозяина был свой хозяин, сильно большой человек. Его сам великий и светлоликий хуанди³ отправил сюда посланцем. Он взял с собой моего господина, а мой господин взял меня и моего маленького брата Хо. Большого господина и моего господина тут зарезали...

Хоахчин зябко поежилась, отпустила волосы Оэлуна.

За стеной юрты послышались легкие быстрые шаги. Хоахчин торопливо поднялась и, кланяясь, исчезла за дверью. Почти тотчас же в юрту вошел Есугей. Он был без оружия, только на широком поясе висел узкий нож, отделанный бронзой. Есугей сел к столику напротив, без любопытства, задумчиво посмотрел на нее, попросил:

— Не сердись, Оэлун, за вчерашнее.

У Оэлуна перехватило горло. Через силу выдавила хрипкое:

— Где Чиледу?

На мгновение в серых глазах Есугея вспыхнули холодные огоньки, он нахмурился.

— Вы его убили? — прошептала Оэлун, ее взгляд упал на пояс Есугея: если резко наклониться над столиком, можно успеть выдернуть нож.

— Не убили, — с досадой отозвался Есугей. — Ты не хотела его смерти, и он живет. Но если будешь напоминать о нем, я привезу тебе его голову.

Он замолчал. Молчала и Оэлун. В дымовое отверстие влетел овод, стал кружиться по юрте с назойливым жужжанием. Оэлун слушала это жужжание, смотрела на чашу с молоком; в голове, в сердце была немая пустота.

— Оэлун. — Голос Есугея прозвучал как бы издалека, она не подняла глаз, не пошевелилась. — Я не сделаю тебе зла. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Только смерть заставит меня отказаться от тебя. Запомни это, Оэлун. — Он помолчал. — Мы идем на войну. Если меня убьют, значит, небо не хотело, чтобы я стал отцом твоих детей. В случае моей смерти тебя отвезут домой. Но если я вернусь... Оэлун, ты хочешь, чтобы я вернулся живым? Молчишь?

Есугей поднялся, стал ходить по юрте. Его лицо становилось все более хмурым и озабоченным. Он был совсем не таким, как вчера. Ни едких шуток, ни насмешливой дерзости. Он ходил по юрте, казалось, совсем позабыв об Оэлун. Внезапно остановился, тихо, словно жалуясь, проговорил:

— Они все-таки убили его. И как убили!

— Кого... убили? — У Оэлун мелькнула мысль, что Есугей говорит о Чиледу, что до этого он ее подло обманывал.

— Они убили Амбахай-хана... Да, ты же не знаешь...

Оэлун с облегчением вздохнула. Что ей смерть хана!

— ...Ты не знаешь, кем был для меня Амбахай-хан. Я его любил больше родного отца. Его мудрость была силой нашего племени. Проклятые татары! Они схватили Амбахай-хана и выдали Алтан-хану китайскому. Алтан-хан велел пригвоздить его к деревянному ослу. Толпа зевак ходила смотреть, как умирает багатур и мудрец. Багатур Хутула, сын славного Хабул-хана, поведет нас, воинов-мстителей. Мы воздадим всем за все!

То, о чем говорил Есугей, было далеко от Оэлун, но против своей воли она прислушивалась к звучанию его голоса. В нем было столько буйной ярости, что ей стало не по себе.

Глава 4

С низовьев Селенги дул ветер, и мутные волны накатывались на песчаную отмель. Чиледу сполз с лошади, пошатываясь от усталости, подошел к воде, лег на песок. Волна, набежав,

окатила его голову и плечи, и он сел, фыркая, растер ладонями огрубевшую кожу лица. Лошадь следом за ним, волоча повод, подошла к воде, долго пила, поводя впалыми боками.

Чиледу смотрел на другой берег реки. Там на пологой сопке высился полосатый шатер, охваченный полукольцом юрт — белых, черных, серых. Над шатром трепыхался туг — хвост яка — на длинном шесте. Вот он и дома. Разве он думал, что возвращение будет таким?

Волны, накатываясь на отмель, рассыпались, вода с шипением скатывалась назад, оставляя на песке извилистую полоску пены. Голенастый кулик суетливо бегал по отмели, что-то выискивал длинным клювом в пене, опасно косил круглый глаз на Чиледу. Лошадь, роняя с мокрой морды капли воды, вышла на берег. Чиледу не спешил переправляться. Всю дорогу он со страхом думал о встрече с соплеменниками. Его ждут с молодой женой, а он... Как он посмотрит в глаза своего отца и в глаза нойона Тайр-Усуна, одолжившего ему повозку и волов? Лучше бы его убили, чем так бессовестно ограбить. Оэлун, где ты сейчас, Оэлун?.. Зачем она спасала его жизнь? Что ему жизнь, если Оэлун не будет с ним? Может быть, ему не нужно показываться в родном курене, уйти вниз по Селенге, в Баргуджин-Токум, в земли хори-туматов — его кровных родичей?

По небу, гонимые ветром, быстро проносились взлохмаченные тучи, и редкие капли дождя падали на землю. Кажется, начиналось ненастье. Чиледу вздохнул. Не поедет он к хори-туматам. И не потому, что там вряд ли кто помнит его деда, захваченного в плен меркитами еще ребенком, не потому, что страшится дальней дороги, нет, он останется здесь, снося насмешки и презрительные улыбки, попросит у Тохто-беки воинов, вернется в кочевья тайчиутов и отобьет Оэлун. Он сегодня же пойдет к Тохто-беки.

Решив так, Чиледу быстро разделся, связал одежду в узел и приторочил к седлу, придерживаясь за стремя, вместе с лошадьёю спустился в воду.

На другом берегу он оделся, постоял, отыскивая тоскливым взглядом юрту отца. Дождь усиливался, уже не отдельные капли, а струи падали на землю, секли по лицу. В стойбище не было заметно никакого движения, все попрятались в юрты. Хорошо, что его никто не видит...

Пока дошел до своей юрты и расседлал лошадь, промок насквозь. Откинув полог юрты, нерешительно переступил порог. Из дымового отверстия вместе с дождевыми струями падал скупой сумрачный свет. И глаза Чиледу, не привыкшие к слабому свету, в первое время ничего не различали.

— Это ты, сынок? — слабым, почти неузнаваемым голосом спросил из сумрака отец.

Чиледу пошел на голос, опустился перед постелью отца. С мокрой головы вода поползла на шею, холодок пробежал по спине.

— Как хорошо, что ты приехал!

Теперь Чиледу видел отца. Он лежал, укрытый овчинным одеялом, седые волосы редкими прядями разметались вокруг сморщенного лица с запавшими, тусклыми глазами.

— Мне совсем худо стало, сынок. Предки зовут к себе. Думал, уж не увижу ни тебя, ни твоей молодой жены. Небо услышало мои молитвы.

— Отец...

— Подожди, сынок. Разожги огонь. Там есть немного архи⁴ и сушеного мяса — приготовил для встречи... И покажи мне твою жену.

Сейчас Чиледу больше, чем когда-либо, презирал себя за то, что остался жив.

— Отец, я вернулся один...

Отец приподнялся, сел. Халат на нем был расстегнут, морщинистая кожа дряблыми складками висела на выпирающих ключицах, худые руки с темными ногтями беспокойно двигались по одеялу, будто что-то искали и не могли найти.

— Это я виноват, — еле слышно произнес он. — Нельзя было ехать сейчас. Я боялся не дожить до свадьбы и торопил тебя.

— Я верну Оэлун, отец!

Старик медленно покачал головой.

Чиледу стукнул кулаком по колену.

— Верну! — Он даже думать не мог, что Оэлун навсегда осталась в кочевьях ненавистных тайчиутов.

— Эх, Чиледу... — Отец снова лег. — Ты кто — знатный ной-он? Или сын могущественного хана? У тебя есть отважные нукеры? Эх, Чиледу, Чиледу... Ты всего лишь пастух Тайр-Усуна. Харачу.

— Верну! Верну! — как заклятье, твердил Чиледу. Мокрая одежда липла к телу, его бил озноб.

— Разведи огонь и выпей архи. Отдохни, — со вздохом сказал отец.

— Нет. Я пойду к Тохто-беки.

Он почти бегом пересек курень. У входа в шатер под навесом стоял нукер с коротким копьём.

— Куда разогнался? — остановил он Чиледу. — Тебя приглашали?

— Мне нужен Тохто-беки.